

ТЕЛО ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЕ, В ЗАЗОРЕ ДИСКУРСОВ, НА ОСТРИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО БЛЕСКА

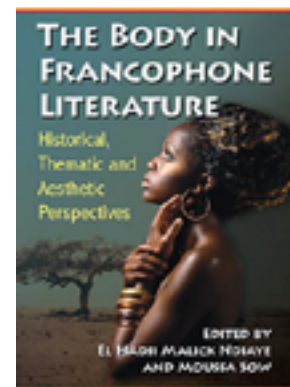
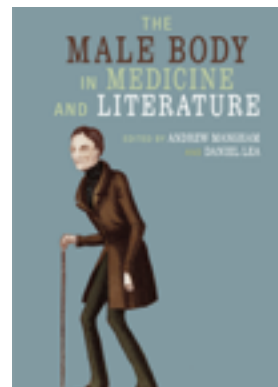
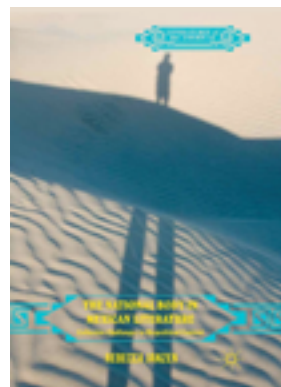
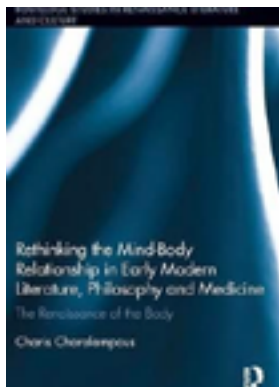
Александр Викторович Марков

доктор филологических наук, профессор факультета истории искусства Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия)

e-mail: markovius@gmail.com

Аннотация. Обзор посвящен новейшим трудам, в которых осмысляется статус тела в культуре. В обзоре показано, что современные исследования телесности, хотя методологически обязаны критике дискурса и постколониальным исследованиям, не сводятся к применению этих достижений к новым объектам, но дополняют их теорией литературы, выступающей как метакритика самой критики дискурсов. Показана продуктивность подходов, связанных с анализом текста и раскрытием недостаточности дискурсов в разные эпохи для понимания меняющегося статуса тела. В конце концов оказывается, что ключевым для разных гипотез о постколониальном и травматическом теле оказывается новая систематизация теории литературного вымысла, развитая благодаря психологии «я» и новой интерпретации христианского учения о воплощении и спасении как главного метасюжета истории тела.

Ключевые слова: статус тела, постколониальное тело, травма, воплощение, компаративный анализ телесности.

Вопрос о статусе тела в контексте современных наук о культуре непрост, и исследования последних лет, как индивидуальные, так и коллективные, показывают, что вопрос о теле и насилии, теле и памяти, теле и истории невозможно решить без обращения к литературе. Более того, оказываются востребованы, кроме французской теории, сблизившей философию и литературу, довольно простые категории науки о литературе, такие как «автор», «автобиография», «повествование», вся та сетка теории литературы, которая только и позволяет понять, что произошло с автором, текстом и читателем на разных континентах прямо здесь и сейчас, когда мы читаем этот обзор. Знатоку русской культуры нетрудно вспомнить, как новый статус тела в русском модернизме, у Блока или Розанова, обязан Владимиру Соловьеву, создавшему новую форму повествования о себе, итоговую поэму «Три свидания» (1898) как фасцинирующее и одновременно ироничное повествование о встрече с божественной Софией. Благодаря такой субъектной организации повествования и присутствию сразу двух стилистических регистров тело превратилось одновременно в объект искусства и центральную точку неотменимых эротических событий, имеющих культурное значение. Сходные сюжеты, но на другом, экзотическом для нас материале и в более сложных социальных рамках рассмотрены

в четырех вошедших в обзор книгах, в которых критический анализ дискурса встречается с обновленным пониманием посттравматического субъекта.

Ребекка Янзен в своей монографии рассматривает мексиканскую литературу XX в. сквозь призму идей М. Фуко и Дж. Агамбена, а также часто цитируемого С. Жижека, Ж. Рансьера и других знаменитых интеллектуалов: Янзен говорит не только о «биополитике», но и «слепоте», «голой жизни», «исключении». У книги есть общий сюжет: неудача индихенизма (движения за реабилитацию и полноправие индейцев в латиноамериканской культуре), который в принципе не мог быть массовым движением, но не мог изменить и парадигмы мексиканской культуры. Неудача это относительная, вопросы метисизации, равно как и резкая урбанизация Мексики, победа центростремительных тенденций и борьба со структурами угнетения и контроля уже в больших городах – все это активно обсуждается местными интеллектуалами и является несомненным фактором политики. Янзен в предисловии сообщает о последнем трагическом событии в новейшей истории Мексики – войне правительства с наркокартелями, приведшей к убийствам криминальными структурами студентов и обывателей, заподозренных в сотрудничестве с полицией, часто даже к террористическим убийствам для запугивания мирного населения [Janzen: 7].

В противоположность философу Хосе Васконселосу, который в эссе «Космическая раса» (1925) создал утопическое видение политического тела Мексики как результата продуктивной метисизации, литература обратилась к опыту маргиналов, опыту инвалидов, искалеченных, болезненных тел. Васконселос был идеологом экономического лидерства мексиканской нации в Латинской Америке, обусловленного биологическими причинами; литература на это ответила вниманием к социальному дну. Один из героев книги, коммунистический деятель и писатель Хосе Ревуэльтас Санчес, знавший о тюрьмах не понаслышке, представлен как первый автор, оспоривший гиперконтроль государства на пути реализации как полицейских, так и социальных программ. Оказалось, что в этих программах нет места ни для заключенных, ни для тех, кто становился «слепым пятном», скажем, для безработных или для членов семьи, вынужденных зарабатывать проституцией или иными нелегальными занятиями. В официальной картине мира безработица была временным случайным явлением, но Х. Ревуэльтас показал, как это униженное состояние воспроизводится и не может быть побеждено просто в ходе экономического подъема или развития отдельных политических институтов.

Если Ревуэльтас был известен в основном благодаря брату-музыканту, тоже пламенно-му политическому деятелю, то другой герой книги, Хуан Рульфо, знаком русскому читате-

лю неплохо: его цикл «Равнина в огне» и роман «Педро Парамо» в советское время были переведены как образец социально-критической литературы, антибуржуазной и антиклерикальной, а сейчас переиздаются как книги, которые ценил Х.-Л. Борхес. Рульфо, согласно Янзен, исследует незаконные тела – незаконнорожденных, родившихся в результате действительного или морального насилия, и показывает простую неосуществимость коллективного тела нации, пока идеология угнетения пронизывает деревенскую жизнь не меньше столичной.

В новеллах Розарио Кастеллано об индейских жителях Мексики Янзен видит исследование эффектов гнета: сопротивление официальной метисизации ведет к возникновению анимализированных (инстинктивно яростных), гиперсексуальных, религиозных тел, новых форм семейных и общинных отношений, иначе говоря, к сопротивлению не в виде слов и политических движений, но в виде экзистенциального выбора. Наконец, «Евангелие от Луки Гавилана» Виченте Ленера дало для рассмотрения сюжет неудавшихся исцелений: новый мессия не может исцелить сортировщиков мусора или получивших травму рабочих, потому что все, кто пытались исцелить их до этого (штатные врачи, священники, профсоюзные лидеры или психологи), не справлялись с этим – можно сопротивляться злу, но невозможно противиться неудаче [Ibid.: 155].

Ссылаясь на Жижика [Ibid.: 11], Янзен утверждает, что возможен евхаристический выход: болезни как тому, чем страдают все члены общины перед рождением нового бытия, следует сопротивляться принятием в общину новых членов. Христианское тело оказывается телом Тайной Вечери и Голгофы, взаимно встроенных «воспоминаний» («сие творите в Мое воспоминание»), но как от этого постоянного встраивания перейти к обсуждению проблем современного статуса тела, об этом говорят скорее труды, связанные с постколониальной ситуацией других континентов.

Так, коллективный труд, посвященный телу во франкоязычных литературах, поднимает в знакомой постколониальной перспективе ряд новых вопросов, в частности, «как тело своими техниками отражает знание в обществах и их способность к самоорганизации» и «как вымышленное или автобиографическое тело соотносится с социальными, культурными и политическими стандартами во франкоязычной литературе» [Ndiaye, Sow: 8]. Слово «стандарт» берется широко, потому что, как подчеркивается во введении, вопросы идентичности, гендера и сексуальности, ставшие привычными для всей этой литературы, еще непривычны для тех культур, в которых эта литература создается.

Например, Исаак Базье исследует, как «черное тело», изобретенное идеологией «негритюда», в настоящее время оказывает-

ся носителем более сложной идентичности [Ibid. 23], что соответствует дифференциации ролей в литературном процессе: активность читателя, усиление роли критиков и формирование отчетливых литературных поколений превращает центральноафриканское тело в «литературное понятие», которое проблематизируется с каждым новым произведением. Мы можем вспомнить, как понятия «дворянин» и «крепостной» так же проблематизировались с каждым новым произведением русской литературы, будь то «Капитанская дочка» Пушкина или «Рудин» Тургенева, и оказывалось, что перед нами не данности консервативного общества, но поле сложной игры статусов.

Переход от черной идентичности к квид-идентичности в ходе рассказывания историй рассмотрен в главе Райана К. Скрота, посвященной современной литературе Магриба. При этом происходит материализация метафор: кочевничество или гибридизация как способы описания африканской культуры оказываются подспорьем для современного человека найти свою странную идентичность, а для писателя – об этом написать [Ibid.: 56]. Другую перспективу, но тоже материализации метафоры, представляет глава, написанная Надеж Дюфор, посвященная жизненному миру всей Африки. Идеиные и жанровые поиски различных африканских литератур объясняются как результат глубокого переживания процессов «окультурива-

ния земель» и «марунинга» (забрасывания земель) [Ibid.: 66], которые были частью статистических сводок, но сделались частицей души современного африканца, который хочет вспомнить свое прошлое при недостатке исторических документов. Такие главы могут напомнить русскому читателю о «национальных образах мира» Г.Д. Гачева [Гачев], хотя модели авторов исследуют по сути один процесс – распад дискурса колониального контроля и непредсказуемые последствия этого распада.

Не менее интересна и глава, написанная Сарой Бедар-Гуле и посвященная лидеру квебекской прозы и драматургии Мишелю Трамбле [Ndiaye, Sow: 29]. Сложная идентичность самого Трамбле (квебекский патриот, гомосексуал, нонконформист) откликается в идентичности той фигуры читателя, которую он выстраивает в своих рассказах и пьесах, – такой читатель способен не просто создавать множественные интерпретации знакомых произведений, но и прямо сопротивляться тем дискурсам, которые стоят за самим сюжетообразованием и жанрообразованием. Трамбле – своеобразный адепт *her-story* в противоположность *history*, для него квебекский патриотизм основан на женском движении, а значит, на тотальной критике дискурсов женщинами. Следует заметить, что феноменология чтения в контексте кризиса постмодерной культуры стала предметом целого ряда филологических докторских

диссертаций на постсоветском пространстве – укажем замечательные труды Жозефины Кушнир (Молдова) [Кушнир], Дмитро Дроздовского (Украина) [Дроздовський] и Ульяны Веринной (Беларусь) [Верина].

Есть главы, которые посвящены отдельным регионам, например, Карен Феррейра-Мейерс рассматривает женскую литературу современного Кот-д’Ивуара, в частности роман «Вдалеке от моего отца» Вероники Таджо [Ndiaye, Sow: 80]. Согласно исследовательнице, автофикция как тип современной литературы в Африке возможна как женская литература именно из-за материализации женского запроса: если мужчина может решить психоаналитические или социальные проблемы с помощью старых форм высказывания, то женщина может мыслить «поиск отца» или «обретение себя» только как постоянное разрушение старых форм, как будто отменяющих сам смысл ее поисков. Впрочем, Анн-Софи Перссон рассматривает произведение Нины Бурауи «Брошенный мальчик», видя в нем возвращение к традиционной авантюрной автобиографии.

Согласно Перссон, Бурауи изображает свое алжирское детство как своеобразный испорченный телефон, в котором «дикость» переводится как «маскулинность» [Ibid.: 91], в результате чего дикарка получает право быть среди мужчин, быть равноправным партнером, но при этом подвергается исключению из любого женского сообщества. Тад-

жо и Бурауи равно пишут о невозможности женщины воспользоваться готовыми курсами без отстаивания автономии своего тела [Ibid.: 93], но заметим, что Бурауи стала весьма популярна и восхваляема в континентальной Франции и критики увидели в ее прозе соединение привлекательной автопортретности с яростной социально-политической критикой, что и требуется для того, чтобы войти в большую французскую литературу.

Ряд глав труда посвящен индивидуализации в женской и не только женской прозе, а ряд – насилию. В них ставится вопрос, как именно понималась история в разных франкоязычных литературах: оказывается, что распространение французской цивилизационной нормы поневоле вело к утрате контроля и фрустрации, в результате структуры памяти менялись, они уже привязаны не к месту, а к телу. Тела изнасилованных и искалеченных женщин во время геноцида в Руанде, тела отчаявшихся, тела растерянных в глобальном мире индивидов, тела сидящих в тюрьмах африканских женщин – все это документы памяти, заставляющие саму литературу стать другой. «Корпография», письмо на теле и письмо самим телом [Ibid.: 27], становится сквозным термином всей монографии, объясняющим, как возможно вообще говорить о теле тех, кому отказано в привычных телесных проявлениях, в нежности и заботе, но за кого это должна сделать литература.

Другой коллективный труд, посвященный мужскому телу [Mangham, Lea] (продолжающий аналогичный труд в сходном оформлении, с одним совпадающим составителем, посвященный женскому телу [Mangham, Depledge]), захватывает гораздо больший временной промежуток. Его темы очень пестры: черное тело в ранней американской фантастике и раны в поэзии декаданса, невроты Вирджинии Вульф и воображаемые факты об отце в «Тристраме Шенди» Стерна, викторианское сексуальное воспитание и квир-эстетика готической литературы. Цитировать главы этого труда можно сколь угодно подробно, тем более что они имеют параллели и в российской науке, например, глава Лесли А. Холла о «контаминированных» викторианских телах напечатает исследования на российском материале ведущих петербургских русистов-антропологов Константина Богданова [Богданов] и Марии Пироговской [Пироговская]. Но Холл не ограничивается наблюдениями, что страх перед поллюциями и мастурбацией привел к идеализации женского тела и шельмованию мужского. В этом исследовании утверждается, что викторианское тело как предмет книг советов джентльмену оказывается носителем заново конструируемой идентичности [Mangham, Lea: 160–162].

В соседней главе, о самоконтроле джентльменов, зараженных сифилисом (ее автор – Лей Уэтерол-Диксон), выясняется, что ин-

структивные книги оказываются частью более крупного движения, начатого трудом Дж. Босуэлла «Жизнь Сэмюэля Джонсона» [Ibid.: 179]. В нем человек, учащийся навыкам выживания, не просто несколько раз спасает себя, но постоянно заново производит свою идентичность и собственный контроль над удовольствиями. Автор главы связывает позицию Босуэлла с его заболеванием сифилисом, потребовавшим внимания к состоянию тела и вызывавшим особое острое переживание прошлого, личной истории. Следовательно, дело с «контаминированными» викторианскими телами не только в медикалистски выраженной боязни осквернения, но и в статусе тела как места, где удовольствию надо дать бой, и только тогда возможно справедливое высказывание о теле и об истории. Заметим, что в США ключевая книга была другая, это, конечно, «Автобиография» Бенджамина Франклина, в которой self-made man не должен был спасать себя, но, скорее, вверяться Провидению и улучшать себя, и поэтому американские тела оказались другими, чем викторианские.

В целом книга производит отрадное впечатление. Уже в предисловии анализируются анатомические опыты Везалия [Ibid.: 6], легшие в основу новоевропейской науки о теле, и указывается на присущее им с самого начала противоречие: с одной стороны, благодаря успехам медицины тело должно было стать неязвимым, с другой стороны, понят-

но, что медицина может развиваться только благодаря репрезентациям раненого или больного тела. Получалось, что статус тела с самого начала оказывался в зазоре между гуманистическим и медикалистским дискурсами, обладавшими равномошными возможностями визуальных репрезентаций.

Через всю книгу красной нитью проходят две темы: сексуальное тело как подрыв гуманистического дискурса и невротическое тело как подрыв медикалистского дискурса. Эти тела, возникавшие в литературе и в личной жизни самих писателей, оказывавшихся «декадентами» (как символисты) или «невротиками» (как Вирджиния Вульф) [Ibid.: 124], показывали, что дискурсы, властно направляющие анатомический образ стройного тела, контролирующего себя и утверждающего контроль над обществом, имеют свои ограничения. При этом никогда в книге не идет речи ни о безоговорочном принятии позиции Фуко, ни о сексуальной или антипсихиатрической революции, но только о том, что литература всегда хоть немного автобиографична, и поэтому взрывное появление новой телесности неизбежно.

Вполне возможно, что эта книга – реакция на фукольдианские исследования по культурной истории, одно из которых привлекло наше внимание развитием мысли Фуко о «заботе о себе», его теории аскезы. А именно, Кэрис Кэралампус заявляет свой интерес к «мыслящему телу» эпохи Ренессанса [Ch-

aralampous: 7]. В отличие от многочисленных исследований, созданных в традиции М. Фуко, где исследуется медикалистский дискурс как ресурс установления контроля над миром в Новое время, Кэралампус занимается собственной внедискурсивной работой тел, телами как способными порождать новые тексты и новые формы существования готовых дискурсов. Поэтому главными героями книги становятся не врачи или анатомы, но ведущие писатели, как Мишель Монтень, Эдмунд Спенсер, Джон Донн и Джон Милтон.

Сразу в книге заявляется любопытство к таким вопросам, как сочетание мышления и чувства в новоизобретаемом теле, тело как медиум встречи с собой, потенциал тела для создания эвристически важных аллегорий, наконец, определенное бессмертие тела как инструмента бытия, как «драматического» или «музыкального» элемента существования, который будет оставаться столь же вечным, сколь вечны поэмы и драмы. Можно сказать, что в этом труде под новым углом исследуется индивидуальность со всеми ее уникальными телесными проявлениями, которую новая литература и новое искусство ставит целью сбросить: сохранить память о взглядах и тоне голоса, звуках и запахах, всю телесную полноту прожитой жизни.

Ключевым для нового понимания тела [Ibid.] оказывается учение Филиппа Меланхтона, одного из самых заметных деятелей

германской Реформации, об интенциональной способности, «аппетите», который уже выступает не просто как априорное качество человеческой природы, как у Аристотеля, но подразделяется на «естественный, чувственный и волевой». Меланхтон связал с чувством эффекты удовольствия и неудовольствия, а с волей – требование суждения и таким образом превратил тело из простого носителя души, оформляемого душой, в самостоятельный механизм, работа которого корректируется как необходимо испытываемыми эмоциями, так и суждениями, предшествующими действию. Человек не может не пережить любви, как не может не пережить боли, – равно как он или она не может приняться за какое-то дело, не задумавшись на миг, каким это дело будет.

Кэралампус цитирует целый ряд авторов XVII века, как Ричард Бакстер, Мэтью Хейл, Симеон Партлициус, утверждавших, что раз душа может быть «чувственной» и «разумной», то и тело, как обеспечивающее деятельность души, может не только испытывать завершённые эмоции, но и составлять какие-то завершённые суждения. Тело оказывается вполне способным к интеллектуальному восприятию, и эти авторы поэтому «проецировали психологическую схему на соматическую, наделяя тело волей, памятью, воображением и даже рассудком» [Ibid.: 10]. Так, телу приписывалось создание образов, например, опасности или удовольствия,

синтезирование ощущений разных органов чувств, например, заключение о съедобности приятно пахнущей пищи, память как разделяемый опыт, когда люди помнят о детстве одно и то же, скажем, взгляд или запах родителей. В отличие от классического подхода, в котором суждение разума побеждало соблазны тела, новый подход потребовал собственной активности тела, так, Генри Воуэн считал, что не столько душа спасает тело от власти похоти, сколько наоборот, тело, способное сопротивляться похоти и поддержать тем самым свое здоровое благополучие, спасает душу от дальнейших чувственных увлечений и падений. Так эта книга приобретает методологическое значение для современных исследований посттравматического тела, которое в литературе может тем самым стать не только телом погибшим, но и телом спасенным, найти благодаря Авторам свою Тайную Вечерю.

Таким образом, очевидно то общее, что отличает современные исследования телесности. Тело рассматривается не как противоположность духу, но скорее как часть ритуала или события, наподобие того, как христианин – часть события спасения: аскет, считая себя погибшим, достойным ада за свои грехи, при этом чаёт спасения как всеобщего воскресения. Так и здесь расчлененное, перевозное или болезненное тело может оказаться погибшим, и из угнетения, казалось бы, нет выхода. Но формы повествования о себе, как

разделяемые формы, как всеобщие формы, понятные всем грамотным, спасают это тело, позволяя ему обрести и идентичность, и любовь. Нашей «литературоцентричной» культуре, после мандельштамовского *mot* «культура стала церковью», такой подход должен быть понятен, пусть же после этого обзора он станет и близок. Угнетенные (по Гаятри Спивак), может быть, и не научились сразу говорить, но научились любить.

Литература

Богданов, К. Врачи, пациенты, читатели: Патографические тексты русской культуры XVIII–XIX веков. Москва: ОГИ, 2005.

Верина, У. Обновление жанровой системы русской поэзии рубежа XX–XXI вв. Минск: БГУ, 2017.

Гачев, Г. Национальные образы мира. Москва: Академия, 1998.

Дроздовський, Д. Множинність реальності в англійському постпостмодерністському романі. 2 изд., допрац. Київ, 2019.

Кушнир, Ж. Феномен гуманизации мифа в интеллектуальной прозе XX века. Chişinău: Pontos, 2017.

Пироговская, М. Миазмы, симптомы, улики: запахи между медициной и моралью в русской культуре второй половины XIX века. Санкт-Петербург: Европейский университет, 2018.

Charalampous, C. (2015). *Rethinking the mind-body relationship in early modern litera-*

ture, philosophy, and medicine: the Renaissance of the body. Oxford: Routledge.

Janzen, R. (2015). *The national body in Mexican literature: collective challenges to biopolitical control.* New York: Palgrave Macmillan.

Mangham, A., & Lea, D. (Eds.). (2018). *The male body in medicine and literature.* Oxford: Oxford University Press.

Mangham, A., & Depledge, G. (Eds.). (2011). *The female body in medicine and literature.* Liverpool: Liverpool University Press.

Ndiaye, El H.M., & Sow, M. (Eds.). (2016). *The body in Francophone literature: historical, thematic and aesthetic perspectives.* Jefferson, NC: McFarland.

References

Bogdanov, K. (2005). *Vrachi, pacienti, chitateli: patograficheskie teksty russkoj kul'tury 18-19 vekov* [Doctors, patients, readers: patographic texts of Russian culture of the 18th – 19th centuries]. Moscow: OGI.

Charalampous, C. (2015). *Rethinking the mind-body relationship in early modern literature, philosophy, and medicine: the Renaissance of the body.* Oxford: Routledge.

Cushnir, J. (2017). *Fenomen gumanizacii mifa v intelektual'noj proze 20 veka* [The phenomenon of the humanization of myth in the intellectual prose of the twentieth century]. Chişinău: Pontos.

Drozdovsky, D. (2019). *Mnozhinnist' real'nosti v anglijs'komu postpostmodernists'komu romani*

[Plurality of reality in English post-postmodern novel]. (2nd Ed.), corr.. Kyiv.

Gachev, G. (1998). *Nacional'nye obrazy mira* [National images of the world]. Moscow: Akademia.

Janzen, R. (2015). *The national body in Mexican literature: collective challenges to biopolitical control.* New York: Palgrave Macmillan.

Mangham, A., & Lea, D. (Eds.). (2018). *The male body in medicine and literature.* Oxford: Oxford University Press.

Mangham, A., & Depledge, G. (Eds.). (2011). *The female body in medicine and literature.* Liverpool: Liverpool University Press.

Ndiaye, El H.M., & Sow, M. (Eds.). (2016). *The body in Francophone literature: historical, thematic and aesthetic perspectives.* Jefferson, NC: McFarland.

Pirogovskaja, M. (2018). *Miazmy, simptomy, uliki: zapahi mezhdou medicinoj i moral'ju v russkoj kul'ture vtoroj poloviny XIX veka* [Miasms, symptoms, evidence: smells between medicine and morality in Russian culture of the second half of the 19th century]. Saint-Petersburg: European University.

Verina, U. (2017). *Obnovlenie zhanrovoj sistemy russkoj poezii rubezha 20–21 vv* [Renovation of the genre system of Russian poetry at the turn of the 20th – 21st centuries]. Minsk: BGU.

**POSTCOLONIAL BODY,
IN THE GAP OF DISCOURSES, AT THE EDGE OF LITERARY PERFECTION**

Alexander V. Markov, Dr. Habil., Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; e-mail: markovius@gmail.com

Abstract. The review is devoted to the new works in which the status of the body in culture is conceptualized. The review proves that today studies of corporeality, although methodologically linked to critics of discourse and postcolonial studies, are not limited to applying these achievements to new objects, but supplement them with a theory of literature that acts as a metacritic of the criticism of discourses itself. The productivity of approaches related to the analysis of the text discloses insufficiency of discourses in different eras for understanding the changing status of the body. It turns out that the key to different hypotheses about the postcolonial and traumatic body is the new systematization of the theory of literary fiction, developed through the psychology of the self and new interpretation of the Christian doctrine of embodiment and salvation as the main meta-plot of body history.

Key words: body status, postcolonial body, trauma, incarnation, comparative analysis of corporeality.

